

Н.В. Слюнин

**Охоцко-Камчатский край: с
32 фототипиями и 54
цинкографиями**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.В. Слюнин**
Охоцко-Камчатский край: с 32 фототипиями и 54 цинкографиями: Том 1 / Н.В. Слюнин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 768 с.

ISBN 978-5-517-99853-8

ISBN 978-5-517-99853-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ціальнихъ работъ. Пользуясь этимъ я, дѣйствительно, познакомился со всѣмъ краемъ и объѣхалъ все Охотско-Камчатское побережье, начиная отъ поселка Чумиканъ, при устьѣ р. Уды, до бухты барона Корфа, на сѣверо-восточномъ берегу Камчатки, какъ это показано на прилагаемой картѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ болѣе $4\frac{1}{2}$ т. верстъ сухопутьемъ и до $3\frac{1}{2}$ тыс. верстъ на пароходѣ и шлюпкѣ. Я посѣтилъ до 85 селеній, выселковъ и стойбищъ, останавливаясь въ каждомъ изъ нихъ и заѣзжая на мѣста кочевковъ, находившихся по близости. Маршрутъ путешествія въ общемъ былъ слѣдующій: лѣто и осень 1896 г. проведены въ Аянѣ и путешествія по окрестностямъ и въ Чумиканъ; октябрь того же года употребленъ на разѣзды по окрестнымъ селеніямъ Охотска; время съ 15 ноября по 5-е апрѣля 1897 г. пошло на поѣздки отъ Охотска до Петропавловска и на разѣзды въ сторону, причемъ три раза пришлось переваливать чрезъ Камчатскій хребетъ; апрѣль—май потрачены на изученіе весенняго рыбнаго промысла въ Авачинской губѣ; въ іюнѣ я перебрался изъ Петропавловска въ Усть-Камчатскъ, оттуда на багу по рр. Камчаткѣ и Еловкѣ доплылъ до сел. Еловскаго. Послѣ этого на лошадяхъ снова перевалилъ чрезъ Столбовую тундру и Камчатскій хребетъ и изъ сел. Сѣданки на паромѣ спустился до устья р. Тигиль.

Послѣ мѣсячной остановки, на пароходѣ «Котикъ», вмѣстѣ съ начальникомъ экспедиціи К. И. Богдановичемъ, я отправился на Гижигинскую тундру, для провѣрки указаннаго мною раньше мѣстонахожденія золота по р. Авековой. Изъ Гижиги на томъ же пароходѣ я отправился въ Пенжинскую губу для изслѣдованія указанныхъ мною залежей каменнаго угля, по близости отъ устья р. Лѣсновской, и извѣстныхъ раньше у сел. Подкагирнаго. Къ сожалѣнію, неточность карты не позволила намъ найти оба эти пункта, и я, будучи больнымъ, ушелъ въ Петропавловскъ для леченія. По пути высадился въ устьѣ рѣки Озерной для ознакомленія съ рыбными промыслами, которые

производило Русское Товарищество котиковыхъ промысловъ при помощи японскихъ рабочихъ.

Оправившись послѣ тяжелой болѣзни, я, въ январѣ 1898 г., изъ Петропавловска черезъ Камчатскій хребетъ перевалилъ въ Вольшерѣцкъ и прибылъ потомъ въ сел. Облуковино, для присоединенія къ другимъ членамъ нашей экспедиціи; проживъ здѣсь мѣсяць, я направился по западному берегу Камчатки до сел. Явина, отсюда, снова чрезъ хребетъ, спустился на вершину р. Камчатки для ознакомленія съ мѣстными острожками и строевымъ хвойнымъ лѣсомъ, которымъ славится долина Камчатки. Осмотрѣвъ верхнюю часть этой долины, я, по причинѣ уже начавшагося вскрытія рѣкъ, поторопился въ Петропавловскъ, откуда на пароходѣ «Хабаровскъ», 20-го мая ушелъ во Владивостокъ.

При изученіи литературы, касающейся Охотско-Камчатскаго края, невольно бросается въ глаза ея бѣдность и отсутствіе точныхъ изслѣдованій какъ по исторіи, географіи, флорѣ и фаунѣ окраины, такъ и по этнографіи инородцевъ, составляющихъ главный контингентъ населенія. Экономическая сторона его жизни, хотя и обращала на себя вниманіе Правительства почти съ начала завоеванія, но никогда не служила тѣмой для подробнаго описанія; промысла, рыбные и пушныя, служащія основой благосостоянія, или зависѣли отъ измѣнявшихся взглядовъ мѣстной администраціи, или оставались на произволъ судьбы, или же, наконецъ, предоставлялись собственному усмотрѣнію полудикаго инородца.

Пользуясь имѣющейсею небогатой литературой, а главнымъ образомъ своими, личными наблюденіями, въ предлагаемомъ Естественно-историческомъ Описаніи я старался дать по возможности полную общую картину, какъ физической природы, такъ экономической, бытовой и умственно-религіозной жизни здѣшнихъ инородцевъ. Охотско-Камчатскій край, съ одной стороны, такъ мало изслѣдованъ, а съ другой—представляетъ столько своеобразнаго и интереснаго въ деталяхъ

каждаго затронутого мною вопроса (каждому изъ нихъ отведена особая глава,—всѣхъ 12), что, понятно, я не могъ исчерпать всего собраннаго мною матеріала, не выходя изъ намѣченныхъ рамокъ описанія. Большая часть собранныхъ мною коллекцій, розданныхъ специалистамъ, не могла быть обработана въ короткое время; таковы, напр., коллекціи горныхъ породъ съ сѣвернаго побережья Охотскаго моря, гдѣ подобныхъ изслѣдованій никогда не производилось; коллекціи окаменѣлостей, растений, рыбъ, сухопутныхъ и морскихъ животныхъ, насѣкомыхъ, болѣзнетворныхъ паразитовъ нѣкоторыхъ животныхъ; коллекціи этнографическія и орудій каменнаго вѣка и проч.; только привезенныя нами птицы и бабочки определены специалистами.

Бытовая сторона инородцевъ, т. е. строй семьи, юридическіе обычаи, община, ясный вопросъ, натуральная повинность, промысловые участки, характеръ и правила самыхъ промысловъ, ихъ регламентація мѣстной администраціей, обязательный платежъ на школу—безъ обязательности образованія, врачебная помощь, частыя эпидеміи, наконецъ, отсутствіе естественнаго прироста, а по мѣстамъ вымираніе населенія,—все это такіе важные вопросы въ жизни окраины, что требуютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія и описанія, чѣмъ то, какое я могъ удѣлить въ настоящей книгѣ, имѣя въ виду, со временемъ, пополнить этотъ пробѣлъ изданіемъ третьяго тома, гдѣ будетъ напечатанъ «Дневникъ путешествія», съ обработанными результатами метеорологическаго журнала и описаніемъ собранныхъ нами коллекцій.

Выпуская въ свѣтъ описаніе «Охотско-Камчатскаго края», я хорошо сознаю недостатки настоящаго труда, для составленія котораго, вмѣстѣ съ изученіемъ литературы предмета, имѣлъ довольно ограниченное время; самое печатаніе производилось поспѣшно, что всегда сопряжено съ опечатками, которыя указаны въ концѣ книги. Немало также труда потребовало составленіе карты, орографію и гидрогра-

фію которой, въ особенности въ сѣверной части района, пришлось въ значительной степени измѣнить и дополнить по нашему дневнику и глазомѣрной съемкѣ. Правда, при экспедиціи находился специалистъ астрономъ и штурманъ Н. Н. Лелякинъ для составленія карты, которая и будетъ издана впоследствии, но ему не пришлось посѣтить всю обширную полосу отъ Охотска до села Подкагирнаго (на Камчаткѣ); указанныя имъ поправки по западному берегу полуострова, къ сожалѣнію, не могли быть сдѣланы на нашей картѣ, находившейся уже въ печатаніи.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ, охотно взявшимъ на себя трудъ редактированія специальныхъ главъ: П. П. Семенову—(географическій очеркъ, гл. II и III); Н. И. Кузнецову (флора, гл. V); А. М. Никольскому (фауна, гл. VI); не менѣе признательны и благодарны мы М. А. Мензбину за опредѣленіе птицъ и ихъ описаніе (въ главѣ VI); Г. Е. Грумъ-Гржимайло за разработку нашей коллекціи бабочекъ и составленіе ихъ списка; А. Н. Сѣдельникову, работающему по ботаникѣ при Юрьевскомъ Ботаническомъ садѣ,—за содѣйствіе при составленіи описанія Охотско-Камчатской флоры; Н. А. Холодковскому за опредѣленіе кишечныхъ паразитовъ нашей коллекціи и І. А. Порчинскому за опредѣленіе интересной личинки оленьяго овода.

Приложенные въ текстѣ рисунки сдѣланы по моделямъ нашихъ коллекцій или сняты фотографически съ оригиналовъ; фототипіи воспроизведены художественной мастерской В. Кла-сенъ (преемникъ Н. Каминскій) съ нашихъ негативовъ.

Н. Слюнинъ.

1 мая 1900 г.

ОХОТСКО-КАМЧАТСКИЙ КРАЙ.

Н. В. СЕДУНИНЪ.

табл. I.

**Памятникъ „СЛАВА“—въ воспоминаніе геройской защиты
порта противъ нападенія Англо-Французской эскадры
въ 1854 году.**

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ.

Подъ именемъ Охотско-Камчатскаго края мы будемъ понимать: 1) сравнительно узкую полосу земли, съ одной стороны прилегающую къ Охотскому морю, а съ другой отдѣленную отъ материка рядомъ горъ, и 2) полуостровъ Камчатку включительно на сѣверъ до Анадырскаго водораздѣла. Открытіе этого края и присоединеніе его къ русскимъ владѣніямъ совершилось въ недавнее время и представляетъ заключительный финалъ дѣятельности небольшой партіи казаковъ, охочихъ людей и промышленниковъ, которые сначала подъ начальствомъ Ермака взяли въ 1681 г. столицу Сибирскаго Царства—Искеръ, а потомъ, въ 1697 г., руководимые приказчикомъ Анадырскаго острога, пятидесятникомъ Атласовымъ, основали первое зимовье въ Камчаткѣ—Верхнекамчатскій острожекъ. Такимъ образомъ въ теченіи одного съ небольшимъ столѣтія (116 л.), эти небольшіе отряды удалцовъ и всякаго рода вольницы, провѣдывая неизвѣстныя земли и собирая мягкую рухлядь, какъ дань-ясакъ русскому Царю, совершили небывалый въ исторіи подвигъ завоеванія такого обширнаго пространства по непроходимой тайгѣ и безжизненной тундрѣ, среди суровой обстановки негостепріимнаго сѣвера. Этой удивительной быстротѣ провѣдыванія новыхъ земель и объясачиванія разбросанныхъ мелкихъ родовъ инородцевъ помогло, съ одной стороны, закаленное удалство, а съ другой промышленная алчность, понявъ которую и созная свое безсиліе инородцы тотчасъ же соглашались платить ясакъ, вполнѣ удовлетворявшій побѣдителей. О какой-нибудь культурной миссіи среди этихъ полудикахъ племенъ не могло быть тогда и рѣчи, да о ней, правда тогда никто и не думалъ.

Еще до присылки въ Москву сибирскимъ ханомъ Едигеромъ первой партіи ясачныхъ соболей, Московское царство уже хорошо было знакомо съ мягкою рухлядью и потребность въ ней была настолько велика, что неудивительно, если у многихъ удалцовъ и опальныхъ лицъ явилось желаніе пуститься на добычу этого красиваго и дорогого звѣря, который служилъ главнымъ импульсомъ къ движенію русскихъ внутрь Сибири до ея сѣверо-восточной оконечности. Шли на обумъ, пролѣзая тайгой, блуждали по ровной тундрѣ, не имѣя ни карты, ни компаса, — и лишь только основывался казацкій острожекъ съ ясачной избой¹⁾, какъ вокругъ его группировались партіи охочихъ людей, которые потомъ выискивали далѣе новыя мѣстности или помогали казакамъ въ ихъ походахъ и жестокихъ битвахъ съ разнообразными инородцами, или, осѣвши на мѣстѣ, занимались мѣновой съ ними торговлей. Насколько великъ былъ наплывъ промышленниковъ, видно изъ приводимыхъ Фишеромъ вѣдомостей²⁾: на нижнюю Тунгузку—отправилось казаковъ только 28, а промышленниковъ 189; на Подкаменную Тунгузку казаковъ—44, промышленниковъ—312.

Тотъ же исторіографъ такъ характеризуетъ промышленныхъ людей: сіи отваги, которые сами отъ себя таскались повсюду, такъ что ихъ не могла устрашить никакая опасность, когда они могли гдѣ-нибудь получить свою корысть. Они обыкновенно показывали казакамъ дорогу къ завоеваніямъ, и были, такъ сказать, ихъ предшественниками³⁾. Возникавшія при каждой такой развѣдкѣ стычки и сраженія съ обѣихъ сторонъ носили слишкомъ звѣрскій характеръ рѣзни, невѣроятныхъ истязаній и жестокихъ пытокъ; да это и понятно: вопросъ о жизни или смерти ставился ребромъ,—и если русскіе брали превосходствомъ своего огнестрѣльнаго оружія, зато инородцы превосходили массой, хитростью и своимъ знаніемъ мѣстности.

Къ этимъ мрачнымъ страницамъ исторіи завоеванія сибирскихъ инородцевъ часто присоединялось личное звѣрство, крайняя жестокость и ненасытная алчность начальниковъ отдѣльныхъ партій и ясачныхъ приказчиковъ, которые, будучи увлечены личной наживой, не щадили своихъ товарищей — соратниковъ и до-нага обирали инородцевъ,

¹⁾ Первоначальный типъ ясачной избы, это простой бревенчатый срубъ, для зимовья, огороженный высокимъ тыномъ или частоколомъ для защиты отъ неожиданнаго нападенія инородцевъ; впоследствии она составляла отдѣльное зданіе, среди двора, гдѣ собиралась и хранилась ясачная рухлядь.

²⁾ Фишеръ I. Сибирская Исторія, Спб., 1774, стр. 361.

³⁾ Ib. стр. 360.

пришедших съ аманатами ¹⁾ въ ясачную избу бить челомъ русскому Царю и принесшихъ посильный ясакъ. Чѣмъ дальше, въ глубь Сибири, заходили эти развѣдочныя партіи, тѣмъ обращенія съ инородцами становились болѣе жестокими, а сборъ ясака превратился въ широкій грабежь. Эта алчность переходила отъ младшихъ къ старшимъ, заражая всѣхъ и cadaго: грабили не одни казаки-завоеватели, расхищали «царскую казну» приказные и воеводы, не смотря на постоянные наказы, инструкціи и грамоты Правительства и частую смѣну управителей. Иногда это требованіе ясака Царю достигало крайне жестокихъ формъ грабежа, такъ что само Правительство приняло инородцевъ подъ свою защиту. Познавъ всю неприглядную сторону сбора царскаго ясака, Правительство время отъ времени предпринимало тяжелыя наказанія: первый сибирскій губернаторъ князь М. П. Гагаринъ былъ повѣшенъ (1721 г.), вице-губернатору Иркутскому Жолобову отсѣчена голова (1736 г.), Шелихову купцу Императрица Екатерина грозилъ оковами, но и это мало помогало, ибо съ окраины Сибири до Царя дѣйствительно было далеко.

Чтобы лучше понять ходъ событій и нагляднѣе обрисовать тогдашнее положеніе Сибири и ея окраинъ, а также уяснить взглядъ и отношеніе къ нимъ правящихъ классовъ, необходимо сказать нѣсколько словъ, потому что историческая картина Охотско-Камчатскаго края не представляла чего-нибудь своеобразнаго и самобытнаго за исключеніемъ мореходства, а носила общій отпечатокъ тогдашней жизни и нравовъ. Приобрѣтаемыя новыя земли, вслѣдствіе отсутствія среди завоевателей интеллигентныхъ лицъ, долгое время оставались неизвѣстными, а потому высшія власти и не могли установить на нихъ какого-нибудь опредѣленнаго взгляда. То онѣ смотрѣли на эти земли, какъ на колонію звѣроловную (періодъ ясачный), то какъ на страну горнозаводскую; потомъ, съ накопленіемъ въ центрѣ Россіи разныхъ «опальныхъ людей», сюда стали ссылать на жительство штрафныхъ и неблагопадежныхъ; наконецъ послѣ наплыва казаковъ, административныхъ лицъ и вольницы Сибири стали считать страню земледѣльческою. Эти поочередно смѣнявшіеся взгляды слѣдовали отъ Урала до Якутска, переходя на послѣдокъ Становой хребетъ, гдѣ, на Охотско-Камчатскомъ побе-

¹⁾ Аманатами назывались заложники, которыхъ брали казаки въ доказательство вѣрнопопданности и акуратнаго взноса ясака.

режьё, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и энергіей примѣнялись на практикѣ.

Признавая свое незнакомство съ Сибирью и мѣстными условіями, Правительство поэтому, въ видахъ скорѣйшаго успѣха, предоставляло неограниченную власть воеводамъ: «дѣлать по своему высмотру». Въ силу такихъ особыхъ обстоятельствъ нѣтъ ничего удивительнаго, что каждая власть отъ воеводы и губернаторовъ до послѣдняго ясачнаго приказчика усваивала неограниченное самовластіе и творила подъ часъ жестокую расправу, при чемъ отдаленность края и канцелярскія проволоки представляли всѣ шансы скрывать свои злоупотребленія. Могущество воеводъ и приказныхъ возрастало прямо пропорціонально отдаленности ихъ резиденціи.

Воспитанные на ужасахъ царствованія Грознаго, говоритъ Головачевъ¹⁾, привыкшіе къ постояннымъ человѣческимъ гекатомбамъ и жестокостямъ опричнины, русскіе Колумбы, естественно, переносили все это и на дѣвственную почву Сибири, гдѣ нашли для проявленія своихъ дикихъ и хищническихъ инстинктовъ полный просторъ и множество поводовъ: съ одной стороны, цѣлыя массы беззащитныхъ и добродушныхъ инородцевъ, людей другой расы, годной только для эксплуатаціи и кабалы; съ другой все то, что считалось роскошнымъ и изящнымъ въ старинной Руси: бархатный, пушистый бобръ, бѣлоснѣжный горностаи, соболь—съ давнихъ дней предметъ горячаго желанія бояръ московскихъ и князей».

Въ 1636 г. въ первый разъ до начальства Сибири дошли слухи объ этомъ богатствѣ отдаленнаго, на краю Великаго моря, края и очаровательнымъ звукомъ должны были прозвучать въ ушахъ ненасытныхъ искателей приключеній, на долю которыхъ выпалъ жребій открывать новый міръ, провѣдывать «новыя земли» и объясачивать «поганыхъ идолопоклонниковъ» «подъ высокую Государеву руку». Подвиги этихъ пионеровъ Сибири—казаковъ и хожалыхъ людей XVII вѣка были ничто иное, какъ проявленіе того же хищнически-колонизаторскаго инстинкта, который когда-то воспламенялъ Западную Европу жадностью до тропическихъ богатствъ. Заманчивые слухи, проникшіе изъ Сибири до Волги, и потомъ до Московскаго царства, превосходили богатства даже баснословныхъ тропиковъ; помимо другихъ сокровищъ, тамъ, въ невѣдомой землѣ, были

¹⁾ Головачевъ. Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. Москва, 1889, стр. 111.